нографическую работу Т. А. Бернштам). Это, безусловно, интересно как взгляд со стороны на женские проблемы. Однако философское изложение восприятия родов мужчиной к «женской культуре» отношения не имеет. Об особенностях мужского менталитета в этом вопросе нужно писать отдельно.

Примечание

[1] *Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 12 тт. М., 1987. Т. 11. С. 135.

Commentary to the Article by T. V. Schepanskaya «Maternity: Its World and Mythology».

The author comments on some of T. B. Schepanskaya's arguments, that seem to be subjective and disputable. She also discusses some problems of the modern maternity culture that have not been covered in the article. Little retrospections are made into the woman's spiritual life of the past, as it can be reconstructed through the XIX-early XXth c. descriptions and the author's own field materials.

T. A. Listova

© 1994. г., ЭО, № 5

Я. В. Чеснов

ЖЕНЩИНА И ЭТИКА ЖИЗНИ В МЕНТАЛИТЕТЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

Историческое отсутствие устойчивых государственных институтов регуляции поведения у чеченцев было компенсировано целым спектром нормативных правил и этических понятий. Мы беремся здесь перечислить только основные.

Примечательную эволюцию в чеченском менталитете прошли термины, в прошлом порожденные феодальными теденциями, но осмысленные согласно этнической традиции. Таковы, прежде всего, понятия, сконцентрированные вокруг термина *оьздангалла*. (В чеченском произношении буквы *оь* означают дифтонгизированный звук, похожий на немецкое *ö*.) Это существительное восходит к общекавказскому, по происхождению скорее всего тюркскому, обозначению сословия служилого дворянства — *узденей*. На ранних этапах, освещаемых этногенетическими преданиями, «дворянскими» считались аборигенные *тайпы* (*оьздан тайпа*) — подразделения субэтнического характера. Эта категория, естественно, была соотнесена с категорией зависимых, «неблагородных» *тайпов* (*лай*). Возможно, был прав чеченский исследователь М. Мамакаев, видевший в оппозиции *оьздан тайпа* и *лай тайпа* противопоставление сильных и многочисленных тайпов слабым и немногочисленным [1]. На примере с понятием *оьздангалла* видна выраженная в чеченском менталитете черта — переработка межэтнических социальных и культурных универсалий в свое собственное, глубоко этническое достояние.

Примечательно то, что в чеченской среде термин социального неравноправия оказался насыщенным нравственным содержанием и получил противоположный вектор: не подавлять слабого, а воздерживаться от этого и даже защищать его. Нравственное расширение смысла термина включило также народную

экологию: еще недавно старшие осуждали мальчиков за срезанную ради баловства ветку, мотивируя это понятием *оьздангалла*.

Особое направление трансформаций социального содержания термина — личное поведение, воспитанность, собранность. Поэтому требования *оьздангалла* заставляют сидеть, не откидываясь, не расставляя ног, не крутя головой; не осматривать пристально женщину и т. п.

В связи с тем, что *оьздангалла* обозначает содержание личности, ее нравственный стержень, констатация отсутствия этого качества (*оьздан дац*) говорит о том, что дело зашло уже далеко и речь идет не о случайном нарушении правил, не об оплошности.

В современном быту чеченцев все больше утверждается восприятие *оьздангалла* как личной скромности и чистосердечия. Представителями интеллигенции в выражении *оьзден стаг* (человек, имеющий качество *оьздангалла*) подчеркивается обходительность, воспитанность и образованность. Эти черты воспринимаются как свойственные быту, обыденным ситуациям. В чрезвычайных же обстоятельствах *оьзден стаг* должен проявить мужество и героизм; *къонахалла*). (*Къ* передает одно из заднеязычных, гортанных *к*.)

Не случайно, что в наших беседах с представителями чеченской интеллигенции на просьбу подыскать эквивалент русскому слову «культура» предлагали термин *оьздангалла*. Люди же, не имеющие образования, но хорошо осознающие традицию и понимающие вопрос этнографа, обычно предлагают для перевода слова «культура» другое слово — *гIиллакх*, которое в самом общем виде можно еще считать эквивалентом слову «этикет». Таким образом, у термина *оьздангалла* наблюдается тенденция к расширению смысла и перекрыванию других понятий вроде *гIиллакх'а*. (*ГI* — заднеязычное *г*, похожее на украинское, *I* — гортанная смычка.) Эта универсалистская тенденция идет от современного просветительства с его противопоставлением «культурности» как воспитанности и «некультурности» как невоспитанности.

Однако такая тенденция, представляющая собой активный фактор, сталкивается с традиционным мировоззрением, которое обладает собственной пластичностью. В системе ценностей чеченского менталитета обозначенные тенденции существуют не в изолированном виде, а соотнесены друг с другом. *ГIиллакх* как раз есть такое, соотнесенное с *оьздангалла* понятие, выполняющее к тому же целостную функцию обозначения всех этнических ценностей, к чему также стремится в своей тенденции и *оьздангалла*.

Чеченский термин *гIиллакх* («этикет» в первом приближении к его смыслу) в разговорной речи часто дублируется со словом *гIуллакх* («работа», «дело»). Такое дублирование подчеркивает, что речь идет о коммуникации людей, решающих некий деловой вопрос. В ингушском языке нет такого разделения: и «этикет», и «дело» равно обозначаются термином *гIуллакх*.

Этот термин идентичен тюркскому *къылыкъ*, означающему у балкарцев и карачаевцев характер человека, у тяньшанских киргизов обычай и т. д. Это слово имеет несомненные содержательное и языковое родство с ивритским *галахá*, что в Торе обозначает сумму запрещенных видов деятельности субботу (шабат). Чеченское звучание *гIиллакх* ближе к *галаха*, чем тюркское *къылыкъ*. Очевидно, происхождение этих терминов связано с иудаистским (хазарским) и мусульманским (арабским) влияниями.

Как было сказано, доходчивее *гIиллакх* представить как этикетные нормы поведения. Чаще всего такие требования иллюстрируются необходимостью встать при повелении старшего, младшему идти слева от старшего, занимать положенное место в помещении и другими нормами общежития. В этом плане *гIиллакх* можно было бы назвать формальным этикетом.

Но явление это сложное, ибо *гIиллакх* воспринимается как достояние всей нации, ее глубочайшая этническая ценность. Отдельный человек может быть в большей или меньшей степени ее носителем. Могут сказать о человеке: «Он наполнен *гIиллакх'*ом». В этом смысле *гIиллакх* равен по смыслу

этнической культуре. И не даром сейчас, когда у чеченцев остро стоит вопрос о путях этнической консолидации и нравственного возрождения, *гIиллакх* служит посылкой для оправданий самых благих намерений. Слово это постоянно звучит по радио и телевидению. Все это свидетельствует о стремлении расширить содержание *гIиллакх* до целостного понятия культура.

В народной среде обращение со словом *гIиллакх* более осторожное. Даже в мнении стариков, что у чеченской молодежи уже нет *гIиллакх*'а (явное преувеличение), звучит нота бережного отношения к ценности *гIиллакх*'а. Это не случайно. В народном мышлении *гIиллакх* сакрален. Он — благодать, которая является отдельному человеку как озарение. «В некоторых обстоятельствах *гIиллакх* кончается. И вдруг появляется новый»,— так точно об этой стороне явления сказал нам большой знаток чеченских обычаев 70-летний Ахмад Сулейманов. Для верующего чеченца-мусульманина *гIиллакх* «вышел из рая». Он — ограда вокруг рая. И был сообщен людям Пророком. Конечно, воздействие ислама сказалось на *гIиллакх*'е. Оно стало возможно, потому что легло на благодатную почву, подготовленную всем прошлым чеченского народа.

Первейшая черта *гIиллакх*'а — соотнесенность поведения с другим человеком. В глубине своей поэтому *гIиллакх* столь же этическое качество, сколь и этикетная норма. Другая важная черта — динамизм *гIиллакх*'а, он проявляется в деянии, в поступке: предложить стакан воды сначала другому, не начать еду раньше гостя, не лечь раньше его спать и т. д. Третья черта, на которой следует остановиться, можно назвать телесно-пространственным нормативом *гIиллакх*'а. В народном изложении *гIиллакх*'а этот пункт всегда ставится на первое место: вставание, размещение старших и младших в следовании по дороге, приглашение зайти в дом и т. п. Телесно-пространственный норматив *гIиллакх*'а можно хорошо проиллюстрировать словами Азиза Сунчанова, чабана из станицы Старогладовской, 1935 г. рожд.: «*ГIиллакх* — это приехал кто. Спрашивает, где живет Сунчанов Азиз. Его надо проводить до меня. Ты русский, я мусульманин. Все равно надо вести в дом. Есть всегда кровать для гостя. При отъезде я должен проводить тебя, купить билет». Или: «Впереди человека не надо стоять, особенно перед солнцем»*. И в последних словах Сунчанова улавливается сакрализация *гIиллакх*'а не только мусульманская, но и космологически-языческая — проявление древнего вайнахского культа солнца. Старинные правила чеченского *гIиллакх*'а делают человека, соотнесенного с солнцем, или югом, более значимым в ситуации общения. Так, нужно первым приветствовать человека, движущегося со стороны восхода солнца. Даже мальчика, идущего с юга, со стороны гор, старик приветствует первым. (Эта норма объясняется и бытовым обстоятельством: в горах человек затрачивает больше усилий на труд и на жизнь, поэтому он достоин особого уважения.)

Итак, телесно-пространственный императив в чеченской культуре космически сакрализован. Поэтому исламское представление, что *гIиллакх* «вышел» из рая, также отражает эту глубинную структуру вайнахского менталитета — телесно-пространственное движение.

Многие реалии чеченской культуры заставляют исследователя пристально отнестись к действию *гIиллакх*'а в мужской и женской сферах жизни. Если ограничиться правилами приема и сопровождения гостя, строгой регламентацией отношений между людьми разных возрастов, то мы оказываемся преимущественно в мужской сфере культуры. Естественно, что здесь повышена

---

* Беседа шла во время праздника в честь дня рождения Л. Н. Толстого 5 сентября 1992 г.

значимость выражений, поз и жестов, связанных с воинским ритуалом, с военной дисциплиной. Это понятно и не требует особых разъяснений. Достаточно предположить, например, что сопровождение гостя может быть мотивировано целью его защиты от вооруженного нападения.

Что мы обнаружим в женской сфере? Наши материалы указывают на особую роль женского, материнского начала в становлении нравственности человека. Чеченское выражение «ненен мотт» (материнский язык) охватывает весь комплекс этики, представлений о человечности и добре, который должен перелиться от матери в детскую душу.

Десятки раз в разных ситуациях, в разных районах Чечни лицам разных возрастов, мужчинам и женщинам нами был задан вопрос: «У кого *гIиллакх* больше, у мужчины или у женщины?» Некоторые люди, видящие в *гIиллакх*'е свод формальных правил, этикет, отвечают, что это зависит от конкретного человека или что «так задавать вопрос нельзя». Это вполне логично. Но вот что отвечают лица старших возрастов, носители более аутентичной традиции: «У женщины *гIиллакх* больше, потому что она оказывается в более сложных ситуациях, чем мужчина». Здесь имеются в виду ситуации, выход из которых нормативно не предписан, т. е. такие, где требуется именно озарение, о чем мы говорили выше. «ГIиллакх'а больше у женщины. Это нормальное положение. В старину отметили, что потеря семейной или родовой чести начинается с женщины». Здесь выражена та же мысль, что и в древнем брачном правиле: «Ищи сыну семя (т. е. породу), а дочери толокно (т. е. семью с достатком)». Иначе говоря, в будущей матери должны быть те качества, которые перейдут детям. Эта же мысль сосредоточена в упомянутом выражении «нынен мотт».

Наконец, есть ситуационное объяснение преобладания *гIиллакх*'а в женщине. На это обращают внимание женщины. «*ГIиллакх*'а имеют женщины больше, потому что они чаще уступают место в транспорте, почти не садятся в присутствии гостей и т. д.». Эта бытовая и вроде малозаметная черта несет глубокий телесно-пространственный смысл: то, что у мужчины является этикетным сопровождением старшего и гостя, в поведении женщины представлено позой стояния. То есть позой, сосредотачивающей в себе все другие позы и движения и поэтому максимально сакрализованной. Поэтому считается, что своим вставанием женщина благословляет того, кто появляется в ее окружении.

В женщине в максимальной степени сконцентрирована этика телесно-пространственного императива. В вайнахском менталитете порождающая сила женщины не только согласуется с этикой жизни. От этой силы исходит действенное начало для всего человеческого общежития, включая этикет. Такая глубинная структура по-разному осознается женщинами. Как объяснила нам Тйабат Ковраева (1924 г. рожд.): «*ГIиллакх'а* больше у женщины. Ведь когда гость придет, а женщина не захочет его принять, то силой же ее не заставишь». В этом высказывании соединены три главных ориентира чеченской традиционной культуры: женщина, гость и пища.

Рассматривая категории *гIиллакх* и *'аьзданга́лла* вместе, можно отметить их общую черту: будучи категориями этическими, они расширяются в своей семантике, переходя на всю область культуры. Если пойти в обратном направлении, т. е. от культурно значимых понятий к личным, этическим или еще дальше к физиологическим основам индивида, то мы сталкиваемся с понятием *собор*. Самый общий его перевод — терпение. Этот арабский по происхождению термин (от *сабурун*) известен у многих кавказских народов и в других районах арабского культурного влияния. Какова смысловая его нагрузка у чеченцев?

В термине *собор* для носителя вайнахских языков ощущается корень *са*, означающий душу, сознание, свет. Эта, безусловно, народная этимология указывает на ментальную установку, на то смысловое поле, в котором живет

слово. Терпение и сдержанность считаются высокими нравственными качествами личности. Говорят, что без терпения у человека не будет *оьздангалла*. В народных рассказах чеченцев и ингушей есть сюжет, как старик-отец послал сына в мир учиться самому лучшему. Сын вернулся и сказал, что он научился уму. Отец снова послал его на учебу, ибо сын не постиг главного. Он удовлетворился только тогда, когда сын научился *собору*.

Но *собор* не просто терпение, хотя слово имеет смысл и физического терпения в перенесении невзгод. В *соборе* еще подчеркивается терпеливость, терпимое отношение к другому человеку, иначе говоря, доброта. Об этом говорит пословица: «*Собор* — проглотить желчь, чтобы другому достался мед». *Собор* — как бы нравственная основа мироздания, в нем есть нечто космогоническое. Это чувствуется в пословицах и других речениях. Говорят: «*Собор* гору съел, а *сихалла* (невоздержанность) душу съела». Для мусульманина *собор* имеет божественные истоки: «Кто не торопится, тот идет от аллаха. Кто торопится — от шайтана»,— гласит арабская пословица, известная также чеченцам. Считается, что издавна почитаемые мусульманские фамилии (*ойляш*) наделены этим качеством. Традиционно мальчиков и юношей, проявивших от природы *собор*, готовили у чеченцев к духовной мусульманской деятельности.

Все изложенное есть осознаваемый и вербализованный норматив культуры, иначе говоря, характеристика культуры с точки зрения процедуры описания. При другом подходе — выяснении внутреннего механизма культуры — мы встречаем многозначительный факт: в ответах мужчин и женщин высказывается убеждение, что качеством *собора* в большей мере наделена женщина. Говорится, что *собор* женщины в 9 раз больше, чем мужской. Эта позиция иногда подается по-другому: если *гIиллакх* — качество мужчины, ибо он чаще общается, чаще бывает на виду, то *собор* присущ преимущественно женщинам.

Что ж, сентенция о женском терпении чуть ли не избитая истина, потерявшая всякое значение. Но как раз это значение еще ощутимо, еще полно трепещущей боли в чеченском этническом менталитете.

О боли мы заговорили не случайно. Боль — физиологический критерий терпения, действующий по принципу: максимум терпения, минимум боевой реакции. Проявление боли — вот что табуировано для женщины. Со всей последовательностью этот принцип проведен у горцев Кавказа. Роды в молчании — это не только из-за того, что «стыдно», но это, считают, необходимо для здоровья ребенка. Битье невесты — предписанный ритуал у чеченцев, дагестанцев (как впрочем, у некоторых групп русских, например казаков, чувашей, ногайцев, езидов и многих других народов). На старинной чеченской свадьбе мучителями невесты были дети: они щипали и били ее. Ради них женщина принимает на себя боль. Есть народная история, как один парень выбрал себе невесту. Он попросил девушку подать ему для закуривания горящий уголь голыми руками. Он нарочно долго прикуривал. Пораженный ее терпением, он на следующий день прислал сватов.

Ритуальный смысл обычаев и представлений о действиях, несущих женщине физическую боль, состоит в том, что женщина не конденсирует эту боль, а отторгает, становится к ней бесчувственной. Она рожает «без боли». Зато положено у чеченцев тянуть больно за уши отца новорожденного ребенка. В сущности это не только вайнахское явление. Обычаи, известные в этнологии под названием *кувада* и состоящие в том, что мужчина разыгрывает родильные муки женщины, подчеркивают ту же идею — боль от женщины ритуально отстранена, ее испытывает мужчина.

В плане всего этого на вайнахском материале становится яснее основной этический миф человечества о Прометее. Имя этого героя-благодетеля человечества, принесшего огонь, звучит по-чеченски *Пхьармат* (*Пхьармату/Пхьармаку*). Лингвисты этимологизируют это имя через обозначение «мастера»,«ремесленника» (*пхьар*) и «племени» (*мат*)[2].

Чеченский *Пхьармат*, как и Прометей, принес огонь людям, но не с

небес, а из подземелья, похитив его у матери. Он также наказан богом: прикован к скале и птица ежедневно выклевывает его печень. В чеченском эпосе употреблен глагол «кроит», «выкраивает», т. е. слово, которым обозначают действия женщины по шитью одежды. Глагол этот не случаен, ибо печень обозначается термином *дIоIах*, находящимся в родстве со словом *даIф* — «вить», «свивать». Значит, вайнахская тысячелетняя натурфилософия видит в печени (органе, считающемся концентрацией мужских качеств) объект женского воздействия («кроения»). Чеченские суеверия подтверждают выявленную парадигму. Так, существует поверье, что если женщина в течение 3 дней после похорон мужчины вырежет его печень, то она сможет с успехом использовать ее для любовных заговоров. Итак, *Пхьармат* — герой, терпящий боль, которую он получает от активного в данном случае женского начала.

По народным чеченским обычаям женщину хоронят глубже мужчины, потому что ей «угрожает» некая опасность сверху. Современное мифологическое сознание чеченцев уже не может назвать эту опасность. Мотивировка, кстати известная некоторым немусульманским народам, подчеркивает, что женщина боязлива. Казалось бы, мифологическая логика отсутствует, система разрушена. Но народное восприятие смертельных опасностей позволяет реконструировать эту систему. По бытовым чеченским представлениям («не дай бог»), женщина больше всего боится быть сожженной, а мужчина утонувшим. Боязнь огня — причина глубокого захоронения женщины и ее символического участия в наказании его добывателя *Пхьармата*. В некоторых кавказских вариантах мифа о прикованном богоборце его противником прямо указывается женщина, как это имеет место в абхазском сюжете об Абрскиле и старушке, догадавшейся, как его погубить. Да и сам *Пхьармат* похищает его в преисподней у женщины — хозяйки огня.

Сюжеты о прикованном богоборце встречаются и вне Кавказа. Но эта область сосредоточивает наиболее разработанные варианты легенды. Именно в этих горах прикован греческий Прометей. Что значит этот миф для нашей темы о генезисе этических установлений вайнахов? Миф о богоборцах в образной форме показывает консервативную реакцию общества на изменение естественно сложившихся условий путем введения нового. У вайнахов это новое, образно представленное огнем, в смысловом отношении заключено в имени *Пхьармата* — мастера и ремесленника. Отмеченная реакция в вайнахском менталитете явно осмыслена как женская. В этом же мировосприятии мы находим сосредоточение боли и страдания на мужском полюсе. Аналогии с абхазами снова это подтверждают: у абхазов был старый обычай при рождении мальчика желать ему «женского мужества»; здесь это высшая степень воинского качества. У грузин, кстати, шашка-гурда, оружие самой совершенной выделки, считалась «женской» [3]. Женское начало предстает перед нами как воинское, мужественное, не ведающее боли. Отчуждение боли от женщины лишает ее одной из телесных характеристик. Так ритуально женщина утрачивает нечто из биологического тела, восполняя утрату энергетически и нравственно. Этот наш последний вывод подтверждает вся вайнахская этика. Фрейдистская тема неполноты женского тела в сравнении с мужским трактуется здесь через боль.

Другая кавказская тема, типологически близкая: такие ситуации аналогичны сюжетам об амазонках, враждующих с мужчинами; женщина-воин несет боль и страдания противоположному полу. Та же идея — отчуждение боли от женщины и передача ее мужскому существу кроется в дионисийском мифе о вакханках, разрывающих в экстазе на части мальчика.

Философский смысл отчуждения боли к таким персонажам, как *Пхьармат* (Прометей), к жертвам-мужчинам, к страдающим мужским божествам вроде Озириса и Адониса состоит в том, что боль ассоциируется с культурными деяниями, сферой культуры. А женский организм, «нечувствительный» к боли,

оказывается отнесенным к сфере природы. Поэтому терпение (*собор*), накапливаемое женщинами, связывается с плодородием и с витагенными способностями женского начала. Напомним чеченскую пословицу о необходимости *собора* для высиживания цыплят и историю об омолаживающем воздействии терпеливой хозяйки на ее супруга: мужу не нравился приносимый женой арбуз и он посылал за другим, жена же каждый раз терпеливо приносила всё тот же арбуз, ибо другого у нее не было. Отсутствие же у женщины терпения ведет к нарушениям чуть ли не природного масштаба. Проиллюстрируем это преданием об окаменевшей девушке. Эта девушка пошла за водой. А ее нетерпеливая мать сказала: «Чтобы ты там в камень превратилась!» как раз в момент, когда раз в году (или на мгновение в каждые сутки) «открывается небо», «останавливается» вода и исполняются все пожелания. (Рассказ о «камне-девушке» записан в горном Дзумсое. Камень, очевидно, некогда был христианским крестом.)

Только теперь нам становится понятно, почему в чеченском менталитете женщина сопричастна *собору* и тем самым природе, а мужчина находится больше в зоне действия категорий *оьздангалла* и *гIиллакх'а* с их выраженной тенденцией представлять собой всю культуру.

Логика чеченского менталитета, представив женское начало как природу, а мужское как культуру, пошла дальше. Так, в языке не сохранилось множественного числа, однокоренного слову девушка. Во множественном числе это слово передается термином *мехкари*, буквальной смысл которого «девушки страны». Страна, территория — важнейшая сторона среды обитания людей, природы. Для чеченского менталитета она осмыслена в женской символике.

Разведение женского и мужского полюсов по оппозиции природа — культура (истина, привычная для романистов) доказывается житейскими наблюдениями. Почему у чеченцев оппозиция природа-культура не только созерцаемое явление, а фактор социальности, причем выводимой скорее из полюса природы, чем культуры? Ответ может быть очень сложным и в то же время простым: этика жизни здесь является предпосылкой социальных норм и эта этика жизни порождена женщиной.

С первых своих лет, еще в младенческом возрасте, женщина несет благословение семье и миру. У чеченцев есть представление, что если у родителей умрет девочка-первенец, то эти родители непременно попадут в будущем в рай. Девушка входит в категорию *мехкари*, девушек страны, о которых память народа сохраняет предания. В древности, если вместе с отрядом воинов сражалась девушка, ее платье и косынка становилась священным знаменем отряда. Девушка, становясь невестой, входит в дом жениха, приближается к ковру-*истангу*, положенному на ее пути. Орнамент на *истанге* показывает, что она идет с юга или с востока, со стороны тепла и плодородия, которые она вносит в жилище. Когда строится новый дом и стройка закончена, то первой внутрь входит женщина и она приглашает хозяина войти. Женщина рожает детей, о которых у чеченцев говорится «без детей родства не бывает». Сама деятельность деторождения священна. В старину знали: если женщина спешит к воде — она имела сношение и ей надо уступить дорогу, чтобы она немедленно сделала нужные омовения, иначе зачатый ребенок будет в чем-то ненормальным. Перед беременной женщиной должны встать даже старики. Черты почитания женщины-матери со стороны общества живы до сих пор: «Ведь она ему сыновей родила»,— с уважением говорят о жене общего знакомого. Вот еще современная сентенция, в 1980-е годы записанная в Чечне: «Нет мужчины, который исправил бы женщину. Но многие женщины из недостойных мужчин делают достойных». Удивительно, что в чеченском фольклоре почти не выражен образ колдуньи, злой безобразной старухи, распространенный в фольклоре многих народов.

Колдуньей (*гІам*) если и называют, то женщину-спорщицу или девушку слишком свободного поведения.

Чеченский идеал женщины соответствует ее сакральному образу, который, как мы видели, ритуально лишен восприятия боли. В дополнение к этому в бытовом идеале у женщины как бы сокращены другие биологические характеристики — потребности в пище, сне, сексуальные. Все это подчинено психологической блокировке ради отца, брата, мужа и детей. К женщине в максимальной степени относится этический императив «не делай то, что просит тело». Нельзя сказать, чтобы у наших современниц эта блокировка не вызывала чувства протеста. Можно думать, что и в прошлом было так. Ведь даже древнейший миф о *Пхьармате* характеризует женский протест по отношению к социальным нормам. Но поразительно устойчива этика жизни в чеченском менталитете. В опросах 1991—1992 гг., когда развернулась в Чечне пропаганда брачных норм шариата, многие женщины терпимо отнеслись к многоженству: «она ради детей не уйдет от него». Женщины, в раннем возрасте не вышедшие замуж, выступили за многоженство, так как это дает им шанс родить законных детей.

Рассмотрев преломление основных нравственных категорий в чеченском менталитете, мы приходим к определению их с точки зрения мотивационной. Эта нравственная мотивация исходно имеет не столько социальные предпосылки, сколько внутренние, индивидуально-личностные, направленные на порождение жизни. Только через порождение жизни социум получает свое оправдание. Такую концентрацию мотивационных этических механизмов на порождение жизни мы предлагаем считать именно этикой жизни. В чеченском менталитете этика жизни направлена не только на человеческое общество, но и на все живое, окружающее человека. В этом своем расширенном значении этика жизни выступает в качестве биоэтики.

Идеал нравственного поведения мужчины выражен в образе *къонаха*. Этот идеал почти недостижим, о чем говорят распространенные суждения, что «къонахи были раньше», «сейчас къонахов не осталось». Вместе с тем каждый мужчина-чеченец лелеет в себе надежду, что в нем есть черты *къонаха*. Это наиболее благородные качества человека — скромность и мужество. Иначе говоря, *къонахство* (*къонахалла*) это блокировка, биологическое самоотречение. Самому термину у чеченцев дается биоэтическое осмысление. Слово производят от *къо* — молодой, сын и *нах* — народ [4]. О *къонахе* говорят: «Он уши народа, зрение народа».

Мужчина-*къонах* подавляет в себе «самцовость» (*борш*). Он не полезет по пустякам в драку. Он занимается, как женщина, с детьми. Можно сказать, что моделирование женского поведения вплетено в героические деяния *къонаха*. Прославленный герой чеченского народа, руководитель борьбы с царизмом конца XVIII в. Шейх Мансур, поднимая восстание, вышел к народу, по преданиям, в каком-то странном пестром одеянии с закрытым лицом [5]. Вероятнее всего это было моделирование мусульманского женского одеяния (восстание проходило под знаменем ислама).

Говоря о чеченской биоэтике, мы касаемся проблемы генезиса ранней и наиболее действенной основы нравственности. В научной литературе распространена точка зрения о роли феодально-классовой этики и этикета в генезисе поведенческих норм. Это положение высказывалось и в отношении народов Европы [6], и в отношении народов Кавказа [7]. Действительно, эпоха, начавшаяся в Европе с конца XV и XVI в., была ознаменована широким распространением атрибутов рыцарского поведения, куртуазного отношения к женщине, соответствующей символикой. Феодальная знать на Кавказе, безусловно, порождала те же институты, это прекрасно показано в исследованиях Б. Х. Бгажнокова. Тем большее значение приобретает для нас чеченский материал. Как мы могли убедиться, для происхождения основ человеческого поведения не требуется воздействий этики феодально-классовых

структур или каких-либо иных внешних влияний. Хотя роль последних мы не отрицаем, она явно выражена прежде всего в терминологии. Это обстоятельство понятно, ибо волны унификации обычаев постоянно проходили по всему Кавказу, включая и Чечню. Ислам — одна из таких мощнейших волн. Его воздействие на народные обычаи (*адат*) продолжается и в настоящее время. Так еще в конце 1980-х годов мы отметили обычай, когда в то место, где упал ребенок, родители забивали в землю гвоздь. Сейчас от этого отказались, мотивируя исламским запретом: в этом месте может находиться джин.

Вообще же, памятуя раннее знакомство предков вайнахов и с мусульманством, и с христианством, было бы полезно проследить воздействие монотеизма на весь комплекс биоэтики. Сейчас мы можем остановиться на одном важном моменте, вероятно, связанном с верой в единого бога — мессианством. В чеченской культуре среди идей такого рода обнаруживается истинно мусульманская. Так, есть представление, что после периода господства врага бога *Дажала* появится *мехди*(мессия). Это будет не кто иной, как *Іиса пайхамар*, т. е. *Иисус-пророк*. Он прогонит Дажала и на 40 поколений установит земной рай. Затем последует конец света. Поэтому в народе считают, что каждый ребенок — возможный *мехди*. Беременная женщина может носить в своей утробе будущего *мехди*. Конечно, это глубоко народное мессианство, окрашенное этикой жизни. Знатоком чеченской этнографии С. А. Хасиевым было зафиксировано предание о древнем обряде отправления к богу заступника за человечество [8]. Обряд устраивался раз в 33 года и состоял в избрании на эту роль молодого мужчины, который жил один год, наслаждаясь всеми благами. Ему отдавались молодые женщины. Когда он достигал 33-летнего возраста, его «отправляли на небо», торжественно сжигая на костре. Что это? Память об Иисусе Христе, взявшем на себя грехи человеческие? Мотив оставления им на земле потомства — сугубо вайнахский, исходящий из этики жизни.

Как бы то ни было, мессианство заложено у чеченцев в самой структуре личности, в центре которой находится *къонах*. В фольклорных образах *къонаха* есть детские черты. С другой стороны, *къонах* — человек, готовый умереть в любое время. Этими чертами и своей ролью в обществе *къонах* приближается к положению Спасителя. Память народа сохранила один обычай, который показывает эту иерархизированность этической личности. Некогда на Новый год некоторые люди ходили по селу и исповедовались в содеянных проступках своим односельчанам. (Данные С. А. Хасиева.)

Часть фактов такого рода можно объяснить следами древнего христианства, часть исламским монотеизмом. Иногда последний пласт особенно ощутим. Например, в представлении о «мировой благодати» (*дуьнен беркат*). Она никому персонально не адресована, дана всем. Получить ее можно только праведным путем. В этом случае благодать передается по наследству. Вообще все деяния человека сказываются на потомках. В подобных верованиях монотеическая идея загробного воздаяния получила осмысление в этике жизни, все векторы которой устремлены к потомкам.

Но не к одним потомкам. Этика жизни, обращенная к самому человеку, сказывается на его облике, и сам внешний вид человека становится не только этикетен, но и этичен. Происходит как бы соматизация этики. Причем такая тенденция особенно выражена в женском восприятии. Именно женщины склонны тольковать *гІиллакх* как внешний этикет, *оьздангалла* как чистоплотность в ее физическом и нравственном смысле. В других случаях женщины воспринимают дихотомию *гІиллакх'а* и *оьздангалла* по-другому: первое — это поступки человека, второе — облик и жесты. В двух приведенных толкованиях общее состоит в соматизации *оьздангалла*.

В оценке человека по первому впечатлению (*ловзар* — знакомство) признаки, принимаемые во внимание и ценимые, выстраиваются в следующем порядке:

1) прямая осанка (сутулых практически нет среди чеченцев); 2) строгость и подтянутость в одежде; 3) немногословность; 4) умение обратить на себя внимание скромностью и воспитанностью (уступить место, предложить кому-то воды и т. п.); 5) отсутствие излишних реакций и жестов (вроде склонения головы к говорящему, открывания при этом рта, жестикуляции во время собственной речи, громкого смеха и т. п.). Все пункты, которые мы изложили, могут быть обозначены термином *васт* (облик, образ), *дик васт* (хороший облик). Но *васт* указывает и на положительные моральные качества человека. Еще более соматизирован термин *куц*. Это тоже внешний облик, стать, жесты, выражения, но одновременно и конструкция человека, физическая пропорциональность. Иначе, *куц* — это гармоничный во всех отношениях облик. Иногда *куц* употребляют вместе со словом *кеп* (форма, вместилище чего-либо,— тюркизм). В выражении *кеп куц* первая его часть больше указывает на правильное анатомическое строение человека, вторая говорит о его внутреннем содержании. Нечто аналогичное мы встречаем в абхазском представлении о *кан*, которое почти идентично чеченскому *куц*. Связь облика и нравственного содержания, передаваемая одним словом, была свойственна и русской культуре. В. Даль в «Толковом словаре» указывал, что «людкость», «людскость» обозначает расположение, гуманность, пристойность во внешности [9].

В восприятии чеченцев внешний облик человека в значительной степени связан с его походкой. Есть народное выражение, гласящее: «По походке человека можно узнать, каков он». Не случайно старое приветствие старшего младшим звучало: «Хьо вочIу?» (Ты идешь?). Да и современное «Маршалла» (Проходи свободно!) подчеркивает состояние движения (ходьбы) как сущность свободного человека. Отсюда в речи чеченцев встречаются выражения: *гIиллакех леда* («вести себя прилично» — буквально «ходить»), *лела хаор* («уменье вести себя» — буквально «умение ходить»).

«Умение ходить» — первейшее требование и в идеале женской красоты. В своем исходном моменте — это женское качество. Сам термин *лела хаор* — для обозначения этикетного поведения — автору приходилось слышать только от чеченских женщин. Поэтому мы вправе сделать заключение, что в системе чеченского менталитета моделирование этикетного облика мужчины с его скупыми жестами и особой походкой выступает концептуально вторичным по отношению к женскому полюсу, где более всего выражена соматизация этикетных и этических требований. И здесь мы снова отмечаем ведущую роль этики жизни для чеченского менталитета.

Идея человеческого облика как формы, наполненной соответствующим содержанием, идея хранилища, сосуда тоже связана с представлением о женщине, о материнской утробе. «Мой глаз наполнился тобой» — это формула объяснения чеченцев в любви тоже полна генеративного смысла. Поэтому, когда чеченцы констатируют, что кто-то «наполнен гIиллакх'ом», то они имеют в виду не просто знание формальных норм этикета, но прежде всего генеративные в нравственном отношении качества личности, ее способность быть примером. Ячейкой такого воспитания служит семья. «Патриота нельзя воспитать вне семьи» — мнение, многократно высказываемое исследователю. В семье ребенок слышит «материнский язык» (*ненен мотт*) — этический язык жизни. В старинных героических песнопениях *илли* образ матери подан как исток лучших качеств героя. Как отмечают исследователи, функция матери в *илли* состоит в напутствии героическому сыну. В современной жизни — при всей ее смутности и диспропорциях — образ матери остается центральным в чеченском менталитете. Следовательно, этика и этикет, скромность и мужество, доброта и благородство будут постоянно возрождаться.

В заключение одно общее замечание, касающееся необычной черты чеченского этнического менталитета. Речь идет о том, что традиционно в нем не было понятия «чеченства». Восприятие каких-то истин не сопровождалось

маркировкой собственной этничности. Даже наоборот. Положено было этикетно говорящему эту истину отослать представителю другого этноса: «один ногаец сказал...», «один грузин сказал...». Все изложенное выше, кажется, помогает дать ответ на эту загадку. Он заключается в устойчивости этики жизни (биоэтики) у вайнахов. В условиях, когда этика жизни дает предпосылки социальным нормам и знаниям, она наполняет их всеобщностью. Понятие «человечности» (*адамалла*) пронизывает весь чеченский менталитет. Но оно и не стало формализованным и в результате не заняло самой высокой иерархической ступени. Это снимает вопрос об этнической исключительности. Поэтому сейчас слово «чеченство», несмотря на попытки введения его в жизнь, многими носителями культуры активно не приемлется.

Примечания

[1] *Мамакаев М.* Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 49.
[2] *Вагапов Я. С.* Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990. С. 90.
[3] *Джалабадзе Г. В.* Путеводитель по Музею Грузии. Тбилиси, 1985. С. 25.
[4] *Алироев И. Ю.* Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990. С. 348.
[5] *Ахмадов Ш. Б.* Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 88.
[6] *Гуревич А. Я.* Средневековый мир. М., 1990. С. 325—326.
[7] *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
[8] *Хасиев С. А.* совместно с автором принял активное участие в сборе материалов и в разработке проблем чеченского этнического менталитета. С. А. Хасиев начал свои этнографические изыскания в Чечне еще в 1960-е годы. Огромную роль в пополнении его знаний и ориентациях сыграл его покойный отец Адам Хасиев, кузнец из с. Курчалоя. Собранные материалы бесценны не только для познания прошлого вайнахов. Характеризуя истоки вайнахской натурфилософии и метафизики, эти данные дают уникальную возможность обнаружить системное качество в казалось бы разрозненных чертах этнического менталитета. Это качество является глубинной порождающей структурой этнического металитета.
[9] *Даль В.* Толковый словарь русского языка. Т. 2. М., 1881. С. 284.

Woman in the Chechen Ethics (essay of a Circassian mentality)

Chechen etiquette and value systems are the object of the paper. Female personages of the Circassian mythology are characterized and basic oppositions of ethnic mentality are reconstructed.

Ya. V. Chesnov

© 1994 г., ЭО, № 5

Нэнси Рис

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЗГЛЯД АМЕРИКАНСКОГО ЭТНОГРАФА

«Мужчины рациональны, женщины эмоциональны. Мужчины думают головой, женщины — сердцем. Мужчины — существа безрассудные, безответственные, и только женщина способна держать их в рамках. Мужчины по природе своей сексуально распущенны, и, чтобы удержать их при себе, женщинам надо очень и очень стараться. Мужчины — это сила, женщины — слабость».

Я привела примеры распространенных среди современных россиян гендерных